

Меньшиков Михаил Осипович

О любви

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Осипович М.**
О любви / Меньшиков Михаил Осипович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 229 с.

ISBN 978-5-519-96250-6

Содержание: О любовной страсти. Суеверия и правда любви. Любовь супружеская.
Любовь святая

ISBN 978-5-519-96250-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О любовной страсти.

Il n'y a guère de gens qui ne soient honteux de s'être aimés quand ils ne s'aiment plus.

(La Rochefoucauld. Réflexions)

I.

Помните-ли вы жалобный, какъ смертельный стонъ, напѣвъ романса:

Я изъ рода блѣдныхъ Азровъ:
Полюбивъ, мы умираемъ...

Красавецъ стоялъ передъ царевной блѣдный, сжигаемый роковою страстью, сestroю смерти...

Я зналъ одного безпечнаго юношу, всегда веселаго, который наивно—какъ ребенокъ—смотрѣлъ на міръ Божій. Точно въ розовомъ туманѣ зари жилъ, пѣлъ, мечталъ... И въ одинъ душный лѣтній день пришли сказать, что онъ убитъ въ саду. Я видѣлъ блѣдное лицо его, черную рану на лбу и устремленный въ небо потухшій взглядъ. Онъ оставилъ свою юность и мечты, родныхъ, друзей и цвѣтушій міръ, который ему такъ благоухалъ, онъ проклялъ все... А она, кто была причиною его изгнанія изъ жизни, осталась равнодушною—съ лицомъ херувима и кускомъ льда въ груди.

Помните-ли вы ту исторію, «которой нѣтъ печальнѣе на свѣтѣ», исторію Ромео и Джульетты? Еще почти дѣти, свѣжіе, невинные они стремились соединиться навѣки; на нихъ обрушились тысячи преградъ, и никто не могъ помочь имъ въ ихъ мечтѣ, кромѣ смерти...

Помните-ли вы страданія молодого Вертера, эту великую и нѣжную душу, истекшую кровью любви, изнемогшую, ушедшую изъ міра съ горькою, невозмѣстимою обидой?..

Помните-ли вы мученія бѣдной Тани у Пушкина, ея жалкія, безутѣшныя слезы, ея навсегда разбитую жизнь? Мученія задумчивой княжны Мери? Безконечно-горькія муки Лизы и Лаврецкаго, суровую печаль Базарова, жгучую тоску Вѣры изъ «Обрыва», сатанинскія терзанія Дмитрія Карамазова, страданія Анны Карениной? Заставьте пройти передъ вашимъ умственнымъ взоромъ вереницу влюбленныхъ героевъ и героинь всѣхъ великихъ писателей — какое горестное, глубоко печальное это будетъ зрѣлище! Отъ трагическихъ мукъ Медеи и ярости Отелло, отъ безумной скорби нимфы Эхо до умирающей въ тюрьмѣ Гретхенъ—сколько невыразимыхъ, непредѣльныхъ страданій сердца, сколько ужасовъ въ этой блаженно-безумной, древней какъ міръ, поэмѣ любви!

Возьмите самыя счастливыя, сказочныя условія любви, возьмите цвѣтушій островъ среди голубого моря, поселите на немъ невинныхъ и прекрасныхъ влюбленныхъ, Дафниса и Хлою; пусть они любятъ другъ-друга съ колыбели, пусть любовь плотская загорается у нихъ на очагѣ дружбы, въ тишинѣ природы, среди вѣчной весны. Возьмите этотъ невѣроятно счастливый случай, и все-таки какою отравой напоена любовь обоихъ, въ самые даже невинные дни ея:

«...Душа ея томилась, взоры были разсѣяны; часто она произносила имя Дафниса; почти не ѣла, проводила безсонныя ночи и забывала стада. То смѣялась, то плакала. Засыпала и пробуждалась внезапно. Лицо ея то

сразу покрывалось блѣдностью, то вспыхивало румянцемъ; кажется, меньшею тревогой объята телка, ужаленная оводомъ. Нерѣдко, оставшись одна, говорила она себѣ: «Я больна. Но не знаю, чѣмъ. Я страдаю, а на тѣлѣ моемъ нѣтъ раны. Я тоскую, но ни одна изъ овецъ моихъ не потерялась. Я вся пылаю, даже въ прохладной тѣни. Сколько разъ царапалъ меня колючій терновникъ—я не плакала. Сколько разъ пчелы жалили меня—я отъ того не теряла охоты къ пищѣ. Значить, сильнѣе, чѣмъ все это—боль, которая теперь пожираетъ мое сердце...»

Такъ вздыхала и томила Хлоя, не умѣя назвать любовь по имени, такъ вздыхалъ и томился блѣдный Дафнисъ: «...Поднеся пишу ко рту, онъ едва отвѣдывалъ, если пилъ, едва касался губами краевъ чаши. Онъ былъ тихъ и мраченъ, нѣкогда болѣе говорливый, чѣмъ полевые цикады. Онъ былъ неподвиженъ, нѣкогда болѣе рѣзвый, чѣмъ козы. Стадо было забыто, флейта лежала беззвучная. И лицо его поблѣднѣло, какъ травы на поляхъ во время лѣтняго зноя... О злая побѣда! О страшная болѣзнь, которую я и назвать не умѣю!..» *

Такъ мучительна любовь даже въ райской обстановкѣ невинности, юности и красоты, въ самыхъ счастливыхъ, грезоподобныхъ условіяхъ. А сколько боли и безобразія вносить въ эту страсть еще и жестокая наша житейская проза. Невѣжды кричатъ о «блаженствѣ» любви плотской, разумѣя подъ нею — сладострастіе, то, что единственно имъ знакомо въ любви, неvěжды готовы соблазнить этимъ сладострастіемъ весь міръ. Но тѣ, кто въ своей жизни испыталъ тяжелую болѣзнь любви и кто освободился отъ ея гнета — согласятся, какое опасное, какое безумное, какое горькое это «блаженство», и сколько души отнимаетъ оно напрасно!

* „Дафнисъ и Хлоя“, XII—XVII, перев. Д. С. Мерезковского,

II.

Что такое любовь? Какъ пѣніе птицъ въ природѣ — сплошной, безконечный хоръ половой любви, такъ изящная литература—непрерывная, многовѣковая легенда любви, гдѣ героемъ является все человѣчество. Это—огромное явленіе нашей жизни, невыдуманное, реальное, дающее и радости, и мученій больше, чѣмъ все остальное въ природѣ. Что-же такое любовь? — Мы всетаки не знаемъ этого, мы едва догадываемся о сущности любви, и ходячее представленіе о ней у насъ суевѣрно до крайней степени,—суевѣрно и безнравственно. Всѣ мы смутно сознаемъ любовь какъ великую и сладостную тайну, мы жаждемъ ея—но жаждемъ грубо и матеріально, мы не влагаемъ разума въ отношеніе къ этой страсти, и оттого она бываетъ такъ безумна, и вмѣсто райскихъ упоеній всего чаще измучиваетъ хуже ада. Если вспомнить, какое безчисленное множество людей—все молодое человечество—страдаетъ явно—и еще болѣе тайно—отъ этой страсти, если вспомнить глубокое разстройство всѣхъ жизненныхъ отношеній влюбленныхъ, разстройство дѣлъ, полное забвеніе ими нравственнаго долга, забвеніе всего на свѣтѣ ради столь мимолетнаго счастья, которое почти всегда оказывается призракомъ, если вспомнить всѣ эти жгучія страданія, невольно охватитъ глубокая жалость къ жертвамъ и вырвется вопросъ: да что-же такое любовь? И отчего она такъ жестока? И неужели нельзя облегчить никакими средствами—если не теперешнему, то хоть будущимъ поколѣніямъ—эту страшную тиранію?

Задача эта не легкая, но тѣмъ необходимѣе рѣшить ее. Въ исторіи человѣка накопился достаточный опытъ страстей, любви достаточно удѣлено вниманія гениальныхъ умовъ, и наконецъ, мы имѣемъ въ *нравственномъ откровеніи* ключъ къ раскрытію и этой загадки, какъ и всѣхъ остальныхъ. Правда половой любви могла бы быть

разъяснена безъ большихъ усилій, если-бы не господствовалъ въ нашемъ міросозерцаніи неподвижный, многовѣковый культъ этой любви, унаслѣдованный еще отъ стариннаго рыцарства,—если-бы не та мгла, которою заволакиваютъ любовь бездарные и безнравственные писатели, поэты, хранители дурныхъ преданій,—всѣ тѣ, кто утверждаютъ въ челоуѣчествѣ міросозерцаніе въ данное время. Если-бы не подходить къ любви плотской предвзято, съ заранѣе внушеннымъ ложнымъ представленіемъ о ней, ея секретъ оказался-бы гораздо проще, чѣмъ думаютъ, и возможность ослабить мучительныя стороны этой страсти была-бы осуществимѣе.

Любовь, говоритъ Ларошфуко, подобна привидѣніямъ: «tout le monde en parle, mais peu de gens en ont vu». Да, немногіе люди знаютъ, что такое настоящая любовь, простая, не осложненная посторонними раздраженіями. Въ современномъ обществѣ трудно встрѣтить плотскую любовь естественную, не преувеличенную специально культурой, какъ трудно по махровымъ розамъ нашихъ цвѣтниковъ составить себѣ понятіе о дикомъ шиповникѣ. Изъ всѣхъ явленій жизни половая любовь въ современномъ обществѣ культивируется всего настойчивѣе и давно приобрѣла ультрамахровыя формы. Наша теперешняя цивилизація попреимуществу сладострастная, и совершенно искренно многіе высокоодаренные люди, вроде Мопассана, не видятъ въ жизни никакой высшей цѣли, никакого лучшаго счастья, кромѣ половой любви, хотя иллюзорность ея ими уже хорошо чувствуется. Самый вдохновенный геній челоуѣка — въ поэзіи, романѣ, театрѣ, живописи, музыкѣ, скульптурѣ еще почти всецѣло посвящаетъ себя изображенію любви; половую любовь пересыщены наши нравы, она входитъ такъ или иначе во всѣ наши игры и развлечения, ея тонкое вѣяніе чувствуется всюду. Но какъ ни всемогуща эта страсть, она не всегда имѣла теперешнее значеніе. Существовали иныя времена, иныя цивилизаціи и—какъ я увѣренъ—

и въ будущемъ возможны иныя,—когда плотская любовь вовсе не стоитъ въ центрѣ жизни, когда она на заднемъ планѣ.

III.

Въ доисторической семьѣ, когда по мнѣнію большинства ученыхъ, господствовалъ коммунальный бракъ, любовь—какъ страсть—едва-ли была возможна. Всѣ мужчины были мужьями всѣхъ женъ. Не могло быть мѣста любовной страсти и въ эпоху полигиніи и полиандріи, во времена гинайкократіи и вообще при разнообразныхъ формахъ семьи до начала исторіи. (Женщина по Гезіоду вовсе отсутствовала въ «золотомъ вѣкѣ»; она появляется только въ серебряномъ, когда устанавливается матриархатъ). Первоначальный историческій періодъ былъ, какъ извѣстно, культурою *насилія*, эпохою безконечныхъ войнъ и охоты, гдѣ не любовь, а *побѣда* была центральнымъ мотивомъ всякой дѣятельности. Женщина въ тѣ времена еще не существовала, какъ предметъ любви. Въ Австраліи, по словамъ Летурно, «женщина и до сихъ поръ является домашнимъ животнымъ, служащимъ для полового удовольствія, для размноженія рода, а въ случаѣ нужды — и пищей. Единственные занятія мужчины у дикарей до сихъ поръ охота и война. За нимъ, въ охотничьихъ экскурсіяхъ, слѣдуетъ его жена, неся на себѣ и дѣтей, и движимое имущество семейства. Ёсть она лишь тогда, когда насытится ея господинъ; на ея долю приходятся остатки, которые онъ бросаетъ ей, какъ собацѣ... Ея дикій обладатель повидимому не питаетъ къ ней ни малѣйшаго чувства привязанности. Австралійскія женщины очень рѣдко умираютъ естественной смертію; большею частью ихъ убиваютъ раньше, чѣмъ онѣ состарѣются и успѣютъ похудѣть, изъ боязни упустить такую хорошую пищу»... Собака, какъ болѣе дѣятельный помощникъ въ охотѣ, цѣнится больше жены. Женщина не имѣетъ права ёсть вмѣстѣ съ мужемъ и даже жарить себѣ пищу на одномъ кострѣ съ его пищей, она

живетъ въ особой пристройкѣ,—на нее налагаются всѣ самыя тяжкія работы. Даже тамъ (какъ у кафровъ), гдѣ дикарь переходитъ къ земледѣлію, женщина «строить жилища, плететь циновки, приготовляетъ глинянную посуду... Она вскапываетъ землю, сѣетъ и жнетъ. Мужчинѣ никогда и въ голову не приходитъ помочь ей... Повсюду въ Африкѣ мужчина занимается войной и охотой. Веченіе долгихъ часовъ своего досуга онъ лѣниво лежитъ гдѣ-нибудь въ тѣни, курить или болтаетъ». То-же крайнее униженіе женщины замѣчается и въ Патагоніи,—словомъ, всюду въ первобытномъ варварствѣ.

Естественно, что въ этомъ періодѣ половая любовь является тѣмъ, что она есть въ своемъ источникѣ—половою похотью. Душевное броженіе, вызываемое этой похотью, совершенно аналогично съ опьяненіемъ, сопровождающимъ всякую страсть. Дикарь влюблялся въ женщину не болѣе, чѣмъ въ собаку на охотѣ, въ копые свое во время войны, во вкусную пищу во время голода. Женщина какъ предметъ любви, была орудіемъ сладострастія и только. Необходимы были многія тысячелѣтія исключительно счастливыхъ условій, чтобы въ наиболѣе одаренныхъ расахъ измѣнился взглядъ на женщину и отношенія къ ней пріобрѣли нѣкоторый нравственный оттѣнокъ. Грубая похоть, впрочемъ, со стороны женщинъ очень рано осложнилась животнымъ страхомъ, благоговѣніемъ передъ хозяиномъ, обоготвореніемъ его, — такъ что первичная форма половой любви, вѣроятно, была односторонняя, т.-е. только со стороны женщинъ, безъ взаимности, или съ тою слабою степенью взаимности, которую хозяинъ питаетъ къ своей собакѣ.

Но культъ борьбы съ теченіемъ вѣковъ перерождается въ культъ труда, охота и ея частный видъ—война уступаютъ скотоводству и земледѣлію. Воевать безпрестанно, имѣя стада скота, о которыхъ нужна забота—нельзя. Прирученныя животныя превратили постепенно самого человека въ домашнее животное, пріучили его къ осѣдлой

жизни. Волъ и лошадь сдѣлали земледѣліе возможнымъ какъ главный видъ труда, и тѣмъ окончательно поставили человѣка на истинный, достойный его путь въ природѣ,—отвлекли его отъ *борьбы* и приучили къ *труду*. Но какъ-бы для облегченія этого важнаго для всего міра перехода человѣка отъ борьбы къ труду развилась постепенно страсть, которая столь-же чувственна, какъ охота и не менѣе сладостна, чѣмъ побѣда: развилась половая влюбленность, новый центръ жизни и мысли для мужчинъ на цѣлыя тысячелѣтія. У дикарей любви не было, у варваровъ троянской эпохи она уже была, хотя и въ грубо-чувственной формѣ. Сынъ царя въ спорѣ трехъ богинь отдаетъ предпочтеніе Афродитѣ. Этотъ сынъ царя—пастухъ; другіе сыновья, наприимѣръ, Гекторъ, низачто не сдѣлали-бы такого выбора; они, конечно, предпочли-бы дары Паллады. Женщина въ этомъ періодѣ уже цѣнится высоко, но почти исключительно тѣлесно. Парису доставлено обладаніе только тѣломъ Елены, а не душой ея; ни онъ, ни она не скрываютъ взаимнаго презрѣнія—и всетаки отдаются другъ другу. Гибель Ахиллеса можно разсматривать какъ глубокую историческую аллегорію. Онъ умираетъ отъ стрѣлы Париса, направленной рукою Афродиты. Герой любви является невольнымъ побѣдителемъ самаго мощнаго изъ героевъ насилія. вмѣстѣ съ Ахилломъ и весь древній культъ борьбы уступаетъ новому культу — сладострастія. За пять столѣтій до Р. Х., еще до разцвѣта эллинскаго искусства и философіи, Анакреонъ Теосскій объявляетъ себя пѣвцомъ любви, говоря о женщинахъ, что

„Краса ихъ побѣждаетъ
И пламя и желѣзо“.

IV.

Разъ доспѣхи были сняты, мечъ повѣшенъ на гвоздь, не приходилось больше скакать по полю въ азартѣ за дикимъ вепремъ или бороться грудь съ грудью съ вра-

гомъ—куда дѣвать было древнему человѣку его неукротимую энергію, его ярость, его привычку къ бѣшену напряженію нервовъ? Конечно, часть всего этого поглощаль трудъ, поэтому трудовые классы, рабы, народъ были всегда самыми цѣломудренными. Но каста древнихъ побѣдителей? Имъ не на что было истратить безмѣрной физической силы, накопленной въ періодъ войнъ, кромѣ сладострастія, и самъ собою возникаетъ новый культъ—культъ чувственной любви.

Надо замѣтить, что всякая потребность въ человѣкѣ, физическая и психическая, стремится безгранично расшириться, возобладать надъ другими страстями; каждая потребность при благопріятныхъ условіяхъ выливается въ особый культъ, т. е. въ сложную систему чувствъ и дѣйствій, внушенныхъ вѣрой въ извѣстный предметъ. Какъ на простой мелодіи нарастаютъ гармоническіе припѣвы и мало по-малу образуется хоръ, такъ первичная потребность усложняется, захватываетъ въ свою область другія страсти, заставляя ихъ служить себѣ. Вокругъ каждой страсти стремится образоваться свой міръ жизни, какъ около срединнаго солнца, дающаго теплоту и свѣтъ. Но удѣлъ всякой жизни увяданіе; исчерпавъ всѣ возможно-сти свои, всякая система омертвѣваетъ. Культы войны, наживы (у торговыхъ народовъ), чувственной любви, всякій культъ ведетъ въ концѣ концовъ къ психозу, къ нѣкоторому помѣшательству на одной опредѣленной идеѣ, многовѣковый гипнозъ которой становится непреодолимымъ. Таково необоримое внушеніе талмуда или корана въ религіи, таковы инстинкты войны у дикарей или торговый инстинктъ у евреевъ. Половая любовь тоже развилась въ особую культуру со всѣми выгодами и невыгодами всякаго культа: съ страшнымъ накопленіемъ силы этой потребности и нравственнымъ омертвеніемъ ея.

Развивался этотъ гипнозъ любви постепенно. Простое удовлетвореніе похоти, какъ у дикарей, было слишкомъ мимолетно, чтобы наполнить жизнь варвара. Подобно тому

какъ въ періодъ войнъ велись атлетическія упражненія, *игры*, въ періодъ любви потребовалось ухаживанье за женщиной, поклоненіе ей. Чтобы утончить и продлить наслажденіе, сдѣлать его, по возможности, психическимъ, потребовалась любовная игра: свиданія, игрища, умыканіе невѣстъ, очень сложные брачные обряды и т. п. Потребовалось участіе поэзіи, музыки и всѣхъ другихъ искусствъ.

Задолго до возникновенія письменности, существовалъ уже поэтический культъ половой страсти—въ безчисленныхъ любовныхъ пѣсняхъ, легендахъ, сказкахъ, гаданьяхъ, заговорахъ, наконецъ—въ самомъ языкѣ. Любовная терминологія у простого народа, лишеннаго письменности, выработана изумительно, и можетъ быть, богаче всякой иной. Литература, являясь завершеніемъ цивилизацій, застаётъ всѣ культуры сложившимися; она не столько движетъ ихъ впередъ, сколько даетъ имъ могущественную поддержку; извѣстно значеніе героическихъ поэмъ Гомера. Но особенно огромную роль литература сыграла въ любовномъ культѣ. Половая влюбленность втеченіе вѣковъ составляетъ почти единственное содержаніе художественной литературы. Романисты всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ глубокой древности, описываютъ любовь въ безконечно разнообразныхъ условіяхъ времени, мѣста, обстановки, возраста, ума, красоты, здоровья, соціального положенія любящихъ; груды романовъ появляются на свѣтъ съ регулярностью растительнаго царства; на смѣну однимъ безчисленнымъ печатнымъ листамъ идутъ другіе, вянушіе съ быстротою осеннихъ листьевъ. Только великіе романы живутъ долго, но зато они и крайне рѣдки. Они описываютъ самую страсть, тогда-какъ мелкіе—преимущественно обстановку ея.